

Линь Яньсин не мог не подумать, что, возможно, этот «собрат» все же хотел использовать эти стихи.

Но, будучи из бедной семьи, он не осмеливался противостоять Линь Яньсину, выходцу из знатной семьи, поэтому выбрал такую глупую тактику, как «убить тысячу, потеряв восемьсот».

Если бы, как говорили в академии Цинтун, этот «собрат» был из влиятельной семьи, то зачем ему было бояться прямого столкновения с Линь Яньсином?

«Хотя нельзя исключить, что в этой жизни его семья очень знатна, и он боится быть раскрытым как "самозванец", поэтому и не показывает себя, чтобы Линь Яньсин не узнал его карты...»

Линь Яньсин, дойдя до этой мысли, почувствовал, как у него зашевелились волосы на голове, и его мысли запутались в хаосе.

Линь Яньхун, увидев его растерянное и раздраженное выражение, в глазах которого читалась холодность, молча наблюдал.

Они погрузились в тишину, и, расходясь, даже не попрощались.

Линь Яньхун вернулся в свой двор, где тетушка Чунь и Хупо уже привели все в порядок. На самом деле, особых изменений не было, так как Эхуан, которая не поехала с ними в Юньтун, была очень старательна, и Восточный двор выглядел так же, как и до их отъезда.

— Цзыфу получила травму ноги и была отправлена в усадьбу, — сказала Хупо.

Хотя она и не хотела беспокоить Линь Яньхуна этим, знала, что старший мастер хочет, чтобы в его дворе не было никаких секретов, поэтому все же сообщила новость, которую узнала от Эхуан.

На самом деле, Линь Яньхун уже слышал об этом от Шицина.

Линь Тунши была жестока и, разозлившись на то, что Цзыфу, которую она с трудом «вырастила», сама сломала свою карьеру, а также учитывая, что у нее уже была Цзыхуай, перестала обращать на Цзыфу внимание.

Такие травмы, хотя и серьезные, при должном уходе могли зажить за три-пять месяцев.

Но Линь Тунши не стала бы позволять «отбросам» бесплатно отдыхать в резиденции так долго. Кроме того, она боялась, что Цзыфу, видя, как Цзыхуай заняла ее место, начнет мстить и разрушит ее планы. Поэтому она приказала Го Сяну отправить Цзыфу в усадьбу под наблюдение.

Между страхом и отсутствием денег на врача, Цзыфу затянула с лечением на несколько месяцев и в итоге стала инвалидом.

Хотя это было делом рук Линь Тунши, Линь Яньхун, взглянув на волчонка, притворявшегося спящим у него на руках, все же сказал Хупо:

— Найдите возможность, чтобы Эхуан навестила ее, скажите, что это мое распоряжение. В конце концов, Цзыфу жила в Восточном дворе, дайте ей денег на лечение... Она молода, и восстановление у нее идет быстрее, чем у взрослых, так что, возможно, она еще сможет

поправиться.

Хотя эта служанка явно не была такой послушной, как Цзыхуай, и всегда старалась быть ближе к нему по указанию Линь Тунши, но теперь, оказавшись в такой ситуации, это было не совсем без связи с Ли Цзинчэном.

Он делал это не из жалости к Цзыфу — ведь каждый пожинает то, что сеет. Но Линь Яньхун хотел накопить добродетель для Ли Цзинчэна.

Хупо тут же согласилась:

— Да, мастер.

Когда Хупо ушла, волчонок в руках Линь Яньхуна приоткрыл глаза и украдкой посмотрел на его лицо, но был пойман.

Линь Яньхун слегка шлепнул его по попке и с раздражением сказал:

— В следующий раз будь осторожнее в своих шалостях.

Волчонок тут же вскочил, прыгнул ему на грудь и начал тереться головой, изображая «малыша, который ничего не знает, но любит ласку».

В последнее время Ли Цзинчэн занимался боевыми искусствами с Няньбэем, и, поскольку ему нельзя было все время сидеть в комнате, ему приходилось тренироваться на открытом воздухе. Поэтому Линь Яньхун часто возвращался домой и не находил его в комнате.

Няньбэй брал волчонка в леса за пределами академии Цинтун и не возвращался, пока не использовал три-четыре часа, которые могли быть потрачены на восстановление человеческого облика.

Кроме того, Линь Яньхун должен был учить Ли Цзинчэна читать, так что тот был даже занятее, чем сам ученик.

Иногда Линь Яньхун смотрел, как волчонок сидит у него на руках, слушая его чтение, и кивает головой, чтобы не уснуть, и ему становилось жалко.

А с наступлением лета шерсть волчонка стала менее густой, и он стал легче, что Линь Яньхун сразу заметил, и его сердце сжалось.

Но Ли Цзинчэн никогда не жаловался, и Линь Яньхун просто поддерживал его, проходя через этот уже нелегкий период жизни.

Наблюдая, как Ли Цзинчэн, восстанавливая человеческий облик, становился все крепче, но при этом все более замкнутым и сдержанным, Линь Яньхун стал больше ценить его поведение в облике волчонка, когда он был ласковым и игривым.

Казалось, что, превратившись в пушистый комочек, он мог на время забыть о своих обязанностях и просто резвиться в объятиях Линь Яньхуна.

Думая об этом, Линь Яньхун не мог больше его ругать и погладил его по спине.

Волчонок, почувствовав, что Линь Яньхун стал более мягким, еще больше прижался к нему, чуть ли не пытаясь забраться ему под одежду.

Линь Яньхун, не подозревая ничего плохого, лишь слегка сжал его за шею, пытаясь успокоить, чтобы он не упал, если слишком разыграется.

...

Как бы то ни было, но когда трое дядей и племянников из семьи Линь появлялись на людях, они выглядели весьма презентабельно.

Особенно Линь Яньхун, который, избавившись от холодности и замкнутости, вызванных болезнью в юности, теперь казался все более утонченным и благородным, оставляя незабываемое впечатление.

Благодаря успехам внука, день рождения Линь Тунши прошел с большим размахом. Но ее внутреннее раздражение оставалось незаметным для посторонних.

Раньше, когда Линь Фэн, приемный сын, был посредственностью на фоне ее собственного талантливого сына, Линь Тунши была довольна.

Теперь же все изменилось: ее сын стал фоном для младшего, и Линь Тунши не могла радоваться.

Когда окружающие дамы начали хвалить Линь Яньхуна, и даже жена будущего родственника вставила несколько слов, Линь Тунши, сидевшая на тахте, чувствовала себя некомфортно.

В таких случаях Линь Тунши обычно брала с собой госпожу Чжэнь.

Госпожа Чжэнь, заметив, что Линь Тунши слегка пошевелилась, словно испытывая дискомфорт, незаметно подошла и поправила подушку за ее спиной.

Линь Тунши взглянула на нее и, увидев ее покорность, почувствовала некоторое облегчение.

Остальные, увидев это, каждый подумал свое, и одна из дам сказала:

— У госпожи действительно счастливая судьба, ведь рядом с ней такие заботливые люди. К сожалению, она не может наслаждаться заботой законной невестки, а только служанки.

Некоторые дамы, поняв намек, улыбнулись, но не стали слишком откровенными перед именинницей.

Лу Цзоши, услышав это, хотя и не испытывала особых чувств к госпоже Чжэнь, теперь тоже почувствовала недовольство. Ее дочь была обещана Линь Цзюаню, и они должны были пожениться после церемонии гуаньли Линь Чжунцзя.

Она думала, что племянница Линь Тунши, хотя и не была законной невесткой, могла бы создать проблемы для ее дочери.

Тогда одна из знакомых с обеими семьями женщин поспешила сгладить ситуацию:

— У госпожи действительно счастливая судьба! В следующем году рядом с ней появится самая заботливая, а затем и несколько сокровищ... Эх, госпожа забрала себе всю удачу, поделитесь немного с нами!

Старший сын семьи Линь, Линь Чжунцзя, в следующем году должен был пройти церемонию гуаньли, и тогда брак между семьями Линь и Лу был бы официально объявлен.

Некоторые, зная об этом, поняли, что женщина намекала на то, что у Линь Тунши будет законная невестка... а «сокровища» означали внуков.

Линь Тунши, услышав это, действительно засмеялась и сказала этой даме:

— Ты всегда любишь брать свое. Смотри, даже здесь просишь удачи, а у твоей свекрови ее полно, иди к ней.

Благодаря этому обмену репликами атмосфера в зале сразу оживилась, и смех стал чаще.

Госпожа Чжэнь, поправив подушку, молча вернулась на свое место, сохраняя прежний вид скромной и покорной женщины, словно совершенно не обращая внимания на «заботливую» новую невестку.

Авторское примечание: Спасибо Мэнмэн Чжую за поддержку!

<http://bllate.org/book/17693/1651493>